

«Тюркские» связи японского лингвиста

Хаттори Сиро

К сожалению, мы до сих мало знаем о том, как исторически развивалась тюркология в странах Восточной Азии в целом и в Японии, в частности. Во многом это связано с тем, что период бурного развития тюркологии и арабистики в этой стране пришелся на 1930-е гг., традиционно считающиеся темным временем японской истории, о котором стараются не вспоминать. Однако именно тогда в Японии были основаны научные школы, а в университетах начато регулярное преподавание языков Центральной Евразии.

Одним из основателей изучения языков урало-алтайской языковой группы и в целом лингвистики, как области науки, в Японии является про-

фессор Хаттори Сиро* (1908-1995), чей 100-летний юбилей довольно широко отмечался в 2008 г. Всемирно известный японский лингвист, почетный профессор Токийского университета, возглавлявший Японское лингвистическое общество, за свою научную и преподавательскую деятельность в 1983 г. был награжден японским императором высшей наградой страны, присуждаемой за достижения в области культуры, — орденом Восходящего Солнца. В том же году Международное общество алтаистики присудило ему золотую медаль за достижения в области лингвистики. Сочинения Хаттори Сиро по алтаистике составляют четыре тома — «Исследования алтайских языков. Избранные статьи Сиро Хат-

* Используется японский порядок написания имен: сначала фамилия, потом имя.

тори» (Токио, 1986-1993). В них имеются статьи о татарском языке.

Хаттори Сиро родился в городе Камеяма префектуры Мияги. В 1931 г. он закончил отделение лингвистики филологического факультета Токийского императорского университета. Еще в школьном возрасте он увлекся проблемой происхождения японского языка, ставшей затем главной темой его научных исследований. С целью изучения языков урало-алтайской группы, к которой принадлежит и японский язык, после окончания университета в 1933 г. уехал в Маньчжурию, получив трехлетний грант Японского общества поддержки науки. Живя в Маньчжурии, он выучил монгольский, бурятский и татарский языки, практиковался в русском и английском. Уроки татарского языка брал в Харбине у известного татарского поэта-эмигранта Хусаина Габдюшева, который был другом профессора Стамбульского университета Р. Арата, а затем проживал в доме татарского купца Агеева в Хайларе. Именно в этой семье он встретил свою будущую жену Магиру*.

Если представить себе всю сложность политической ситуации в то время и отношение к иностранцам в самой Японии, нетрудно догадаться, что женитьба на дочери простого татарского эмигранта из России для перспективного выпускника Токийского императорского университета очень смелый поступок. Однако, помимо романтических причин, существовала и вполне идеологическая. Семья Мухаммедшаха Агеева была активным участником татарского национального движения в эмиграции, которое поддерживалось Японией. В академической и военной среде существовало мнение об од-

них корнях происхождения японской и тюркской наций, таким образом, японцы рассматривали тюрков в определенной степени родственным им народом.

Несмотря на то, что Магире пришлось уехать в 1936 г. в Токио, где у нее родилось впоследствии трое детей**, она поддерживала постоянную связь с семьей и регулярно получала эмигрантские издания, включая газету «Милли Байрак» — орган тюркской эмиграции на Дальнем Востоке, выходящей в Мукдене с 1936 по 1945 г. Благодаря профессору Хаттори и его жене этот уникальный источник информации о жизни тюркских эмигрантов из России сохранился почти в полном объеме до настоящего времени***.

Хаттори Сиро, как отмечалось, знал несколько языков. Это дало ему, как ученому, возможность более глубоко, чем другим, понять возникновение того или иного произношения в японском языке. Он первым подтвердил сходство японского и окинавского языков, а также выяснил происхождение старомонгольского языка, чему была посвящена его докторская диссертация по филологии, защищенная в 1943 г. в Токийском императорском университете. Имя профессора Хаттори знает практически каждый японец, более или менее интересующийся историей возникновения родного языка. К сожалению, имя этого человека, так много сделавшего для алтаистики и тюрковедения в целом, до сих пор малоизвестно. Надеюсь, что настоящая статья станет первой попыткой привлечь внимание российских исследователей к трудам этого ученого.

* Магира Агеева родилась в 1912 г. в д. Нагур (русское название Подгорный Шуструй) Краснослободского района Пензенской области, на родине отца. Мать происходила из д. Татарский Юник Тамбовской области. В августе 1916 г. семья Агеевых переехала в Хайлар, а после Второй мировой войны эмигрировала в Турцию. Магира скончалась в 1999 г. в Токио.

** Дети Магиры Агеевой и Хаттори Сиро живы и проживают в Токио.

*** После смерти Хаттори Сиро, а затем и его жены архив ученого был передан университету префектуры Симанэ, где в архиве Урало-алтайских языков хранятся оригинальные выпуски этой газеты и другие материалы, издаваемые тюркской эмиграцией, как например школьные учебники.

**Из статьи Хаттори Сиро 1935 г. «Лингвистические исследования в Маньчжурии.
Из окна с двойным стеклом, покрытого инеем. Часть 2»**

[...] Харбин к тому же — большой интернациональный город. Хотя это и несколько преувеличено, но говорят, что здесь можно увидеть человека любой расы мира. Однако в действительности объектов для изучения алтайских языков было меньше, чем я предполагал. И монголы есть. И башкиры, и киргизы, и турки есть. Однако среди языков, которые удалось наблюдать, свободно используемых в качестве повседневного общения, кроме татарского, как уже сказал выше, других языков нет. Я приехал впервые в Харбин в ноябре прошлого года, собирался остановиться весной в Хайларе, но из-за серьезной болезни слег в больницу в апреле, и не смог избежать неожиданно-го обучения, которого бы следовало избежать после болезни, у учителя татарского языка Хусаина Габдюша, 33-летнего молодого национального поэта, с великолепно тонким чувством языка, дающего четкие ответы на вопросы, которые затрагивали различные темы и внесшего в мои записи по грамматике татарского языка такое большое количество исправлений, что в конце концов мое пребывание растянулось до середины октября, и в целом я провел в Харбине 11 месяцев. Однако ценность исследования алтайских языков намного выше в Хайларе. Здесь же есть и хорошая возможность практики русского языка. В первом доме, где я остановился, жил 18-19-летний прекрасно знающий английский язык молодой человек, студент политехнического университета. Мне очень повезло, что он иногда, почти сердясь, поправлял одну за другой любые мои ошибки в грамматике и произношении. Но и за пределами дома я получал подобную практику языка, это был первый в жизни богатый на удары опыт использования иностранного языка. Благодаря этому, в отличие от английского языка, которому обучался с детства, я получал удовольствие не только от ежедневного общения, но и от мысли, что чувствую врожденную способность к совершенствованию разговорного языка. И собираюсь в будущем, в случае если будет время, попробовать написать практический учебник-разговорник для старо-монгольского и других языков. На мой взгляд, с этой точки зрения существует очень мало учебников по современной разговорной речи, не говоря уж об академических учебниках по грамматике. Кроме того, для меня стал ценным опыт проведения исследования, в том числе лингвистического, русского языка, который полностью отличается по структуре от алтайских языков. Коротко говоря, 11-месячная жизнь в Харбине имеет для меня огромную ценность в разных смыслах. [...]

Hattori Shiro. Hitokoto gokakusha no dzuisou*. — Tokyo, 1992. — P. 14-20.

Публикацию и перевод с японского подготовила
Лариса Усманова,
доктор социологии

* Случайные мысли лингвиста в несколько слов.

